

М. К. Любавский

**К вопросу об удельных
князьях и местном
управлении в Литовско-
Русском государстве**

Москва
«Книга по Требованию»

УДК 304
ББК 60.5
М11

М11 **М. К. Любавский**
К вопросу об удельных князьях и местном управлении в Литовско-Русском государстве / М. К. Любавский – М.: Книга по Требованию, 2020. – 50 с.

ISBN 978-5-4241-6916-8

Ф.Леонтович "Очерки истории литовско-русского права. Образование государственной территории". С.-Петербург

ISBN 978-5-4241-6916-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2020

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2020

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

должна служить добавленіемъ къ разработкѣ вопроса, которымъ мы почти одновременно занимались, и съ этой точки зрѣнія должна имѣть общій интересъ.

Прежде всего нѣсколько словъ объ общемъ характерѣ труда г. Леонтовича. Почтенный профессоръ выбиралъ нужный ему матеріалъ изъ „Очерка исторіи великаго княжества Литовскаго“ В. Б. Антоновича, изъ монографій о литовскихъ князьяхъ—Стадницкаго и Вольфа, Смольки, Прохаски, Барбашева, Латковскаго, Левицкаго и Конечнаго, отчасти изъ генеалогическихъ трудовъ Окольскаго, Папроцкаго, Несѣцкаго, Радзимицкаго и главнымъ образомъ Бонецкаго, затѣмъ изъ „Древней Польши“ Балинскаго и Липинскаго, изъ новаго „Географическаго словаря королевства Польскаго“, изъ вышеупомянутаго моего труда, изъ монографій Стецкаго и Андрияшева и статьи Яблоновскаго о Волынской землѣ, изъ монографіи Молчановскаго о Подольской землѣ, изъ книги Филевича „Борьба Польши и Руси-Литвы за Галицко-Владимірское наслѣдіе“. По разнымъ частностямъ г. Леонтовичъ привлекалъ къ дѣлу и нѣкоторые другія изслѣдованія, указанныя имъ въ примѣчаніяхъ, но вышеупомянутые труды легли въ основаніе его очерка и дали ему большую часть содержанія. Г. Леонтовичъ не ограничился одною компилятивною работою, но пересмотрѣлъ и часть печатныхъ источниковъ, откуда черпали его предшественники, и отчасти дополнилъ и исправилъ ихъ сообщенія и сужденія, какъ ему представлялось нужнымъ. Въ результатѣ получилась книга, содержащая въ себѣ перечень всѣхъ княжествъ, изъ которыхъ сложилась государственная территория великаго княжества Литовскаго, а также и тѣхъ, которыя возникли на этой территоріи вслѣдствіе пожалованій господаря и разныхъ другихъ причинъ.

На нашъ взглядъ, г. Леонтовичъ сдѣлалъ здѣсь много лишняго. Княжества, которыя возникали на образовавшейся уже государственной территоріи, пужно было трактовать по столько, по сколько они были элементами дробленія, распадѣнія. Но многія изъ нихъ, какъ справедливо замѣтилъ самъ г. Леонтовичъ, были простыми имѣніями, принадлежавшими князьямъ на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и всякія другія крупныя имѣнія — панамъ. Чтобы быть послѣдовательнымъ, г. Леонтовичу надо было уже до конца вести счетъ княжескимъ имѣніямъ, возникавшимъ въ XVII и XVIII вѣкахъ до самаго раздѣла Рѣчи Посполитой, надо было перечислять и крупныя панскія имѣнія, по значенію своему одинаковыя съ княжескими. Едва-ли, однако, онъ счелъ бы такую работу для его дѣла нужною; а между тѣмъ на дѣлѣ онъ

выполнилъ часть ея. Все это произошло отъ увлеченія матеріаломъ, которымъ пользовался почтенный профессоръ и который постоянно отвлекалъ его въ сторону побочныхъ политическихъ, генеалогическихъ и историко-географическихъ частности въ ущербъ разработкѣ основной темы. Почтенный профессоръ по преимуществу удѣлялъ свое вниманіе изслѣдованіямъ à propos и сравнительно поверхностно отнесся къ тому, что составляло его главную задачу. Самую эту задачу онъ недостаточно точно и ясно себѣ опредѣлилъ. За множествомъ не идущихъ къ дѣлу подробностей процессъ образованія государственной территоріи великаго княжества литовскаго остался у него недостаточно рельефно очерченнымъ, остались мало разъясненными тѣ связи, которыя стягивали присоединившіяся къ Литвѣ земли въ единую государственную территорію, остался даже не намѣченнымъ самый моментъ, когда закончилось ея образованіе. Хотя г. Леонтовичъ и много удѣлилъ мѣста въ своемъ очеркѣ удѣльнымъ князьямъ и ихъ владѣніямъ, но онъ мало, какъ будетъ показано ниже, выяснилъ, чѣмъ были удѣльные князья въ Литовско-русскомъ государствѣ, какая была разница между ними и князьями служилыми, въ какой связи состояли многочисленныя княжества съ великокняжескими владѣніями. Для вопроса объ образованіи государственной территоріи выясненіе всего этого, на мой взглядъ, должно было бы стоять на первомъ планѣ. Нельзя сказать, чтобы у г. Леонтовича ничего не было сдѣлано въ этомъ направленіи; но для историка-юриста, назвавшего свой трудъ очеркомъ исторіи литовскаго права, сдѣлано слишкомъ мало, и территорія великаго княжества Литовскаго, какъ извѣстный объектъ государственнаго права, осталась въ блѣдномъ и неясномъ освѣщеніи.

Много лишняго сдѣлано г. Леонтовичемъ и по части библиографическихъ указаній, которыя не всегда связаны органически съ текстомъ его книги и даны только мимоходомъ. Неопытному читателю вслѣдствіе этого представляется опасность—потратить напрасну время, просматривая книгу, указанную г. Леонтовичемъ, въ которой однако пѣтъ ничего по данному вопросу. Такъ, читатель сдѣлалъ бы крупную ошибку, еслибы, повѣривъ г. Леонтовичу, для вопроса объ образованіи государственной территоріи сталъ изучать статью Н. Иванисева „О древнихъ сельскихъ общинахъ юго-западной Россіи“, или статью г. Лучицкаго „Сибринное землевладѣніе въ Малороссіи.“¹⁾ За библиографическія указанія въ ученыхъ трудахъ нельзя не быть

¹⁾ Очерки исторіи литовско-русскаго права, стр. 13, 14, прим. 2.

благодарнымъ, но лишь только въ томъ случаѣ, если эти указанія ведутъ читателя по прямой и кратчайшей дорогѣ, послѣдовательно намѣчая ему разработку даннаго вопроса въ книгахъ и статьяхъ. Къ сожалѣнію, библиографическія указанія г. Леонтовича совсѣмъ иного характера. Въ нихъ онъ часто отмѣчаетъ труды, которые по данному вопросу не даютъ рѣшительно ничего новаго, трактуютъ его совершенно самостоятельно, по другимъ книгамъ или статьямъ, о которыхъ г. Леонтовичъ, однако, забываетъ упомянуть. Такъ, напримеръ, для справки о переходахъ Смоленска отъ Литвы къ Москвѣ и обратно отъ Москвы къ Литвѣ по ссылкѣ г. Леонтовича служатъ: *Петровъ*, Бѣлоруссія, 150. *Лисинскій*, Уставныя земскія грамоты, 57. *М. Владимірекій-Будиновъ*, Государства Московское и Литовское (*Кіевск. Унив. Изв.* 1882, стр. 4 и слѣд.). *Baliński*, *Starożytna Polska* IV, 478; *Słown. geograph.* X, 897. Сравни *Kotlubuj*, *Odstecz Smoleńska i rokój Polanowski* (1858). *Цебриковъ*, Смоленская губернія (1862). Памятная книжка Смоленской губерніи на 1857. *Мурзакевичъ*, Исторія Смоленска. 1848.—Въ этомъ перечнѣ нѣтъ ни Карамзина, ни Соловьева, которые трактовали документально исторію переходовъ Смоленска, и упомянуты труды, которые на нихъ основывались. Заставили читателя свѣрить свой разказъ о переходахъ Смоленска съ перечисленными книгами и статьями, г. Леонтовичъ задалъ ему много лишняго и совершенно бесполезнаго труда. Вообще въ своихъ цитатахъ г. Леонтовичъ заботился не объ удобствахъ читателя и научныхъ требованіяхъ, а лишь только о полнотѣ цитатъ, которой онъ, конечно, не достигалъ. Обзоръ разныхъ земель онъ предпослалъ длинныя перечни книгъ и статей, изъ которыхъ читатель кое-что можетъ узнать о данной землѣ и часто совсѣмъ ничего по тѣмъ вопросамъ, которые затрогиваетъ книга г. Леонтовича. Но такими перечнями мѣсто въ спеціальныхъ библиографическихъ указателяхъ, а не въ ученомъ трудѣ, гдѣ они являются простымъ балластомъ. Погоня за полнотою цитатъ помимо того, что увеличила очеркъ г. Леонтовича множествомъ лишнихъ строкъ, которыхъ въ немъ и безъ того не мало, вредно отразилась на его трудѣ и въ томъ отношеніи, что развлекла его вниманіе и заставила допустить рядъ такихъ промаховъ и ошибокъ, которые довольно странно видѣть у такого строгаго и требовательнаго къ другимъ ученаго. Чтобы не быть голословнымъ, я укажу на эти промахи и ошибки.

На стр. 42, въ примѣч. 1 (я буду разбирать и то, что находится въ примѣчаніяхъ у г. Леонтовича, и что часто важнѣе содержаща-

гося въ текстѣ; у почтеннаго профессора нѣтъ настоящей границы между текстомъ и примѣчаніями), г. Леонтовичъ утверждаетъ, что Радзивиламъ, кромѣ родовыхъ вотчинъ въ Литовской землѣ, въ XV и XVI вв. принадлежали обширныя владѣнія въ другихъ литовско-русскихъ областяхъ: Олита—въ Трокской землѣ; Несвижъ, Клецкъ и Мирже въ Понгородскомъ повѣтѣ; Гонидзъ и Медсмы—въ сѣверной Подляхи, именно въ Бѣльскаго землѣ. Въ доказательство онъ ссылается на Песѣцкаго и Балинскаго. Но по проверкѣ оказывается, что почтенный авторъ не особенно внимательно отнесся къ ихъ сообщеніямъ. На стр. 280 и 281 четвертаго тома *Starożytna Polska*, на которыя, между прочимъ, ссылается г. Леонтовичъ, нѣтъ извѣстія о томъ, что бы Олита принадлежала Радзивиламъ. Тамъ сообщается только, что король Сигизмундъ Августъ давалъ Олиту въ доживотье жейцѣ своей Варварѣ Радзивиловицѣ. Почтенный профессоръ, очевидно, былъ введенъ въ заблужденіе г. Малышевскимъ, который въ своей статьѣ „Люблинскій съѣздъ 1569 года“ вольно передалъ титулъ Николая Радзивила: „Божьею милостью князь Олитскій и Несвижскій“¹⁾. На самомъ же дѣлѣ Николай Радзивиль былъ княземъ „на Ołucie i Nieświeżu, и эта Олука (а не Олита) находилась въ землѣ Волинской, а не Трокской, какъ это явствуетъ изъ сообщенія Балинскаго и Липинскаго²⁾. Она досталась Радзивиламъ по женской линіи отъ пановъ Квшковъ въ началѣ XVI вѣка, равно какъ и Несвижъ³⁾. Клецкъ попалъ во владѣніе Радзивиловъ послѣ королевы Бони, во второй половинѣ XVI вѣка; Миръ (а не Мирже) приобрѣтенъ Радзивилами отъ пановъ Ильницкихъ также въ XVI вѣкѣ⁴⁾; Ганязъ или Гонидзъ (по польскому произношенію) былъ пожалованъ Радзивиламъ въ 1509 году⁵⁾; Мидель (а не Медсмы) попала во владѣніе Радзивиловъ также въ XVI вѣкѣ⁶⁾. Какъ же можно утверждать, что эти владѣнія принадлежали Радзивиламъ и въ XV вѣкѣ? Затѣмъ: Клецкъ и Несвижъ въ составъ Понгородскаго повѣта попали со времени об-

¹⁾ Очерки исторіи литовско-русскаго права, стр. 35, прим. 1.

²⁾ *Starożytna Polska* III, 47.

³⁾ *Starożytna Polska* III, 47; IV, 505; *М. Любавскаго*, Областное дѣленіе и мѣстное управленіе Литовско-Русскаго государства ко времени изданія перваго Литовскаго Статута, стр. 119. Москва. 1893.

⁴⁾ *Starożytna Polska* IV, 526, 529.

⁵⁾ *Starożytna Polska* III, 459; *Bonińskiego*, *Poczet rodów*, стр. 271.

⁶⁾ Областное дѣленіе и мѣстное управленіе Литовско-Русскаго государства, стр. 112.

ластного разграниченія, производившагося въ 1564—1566 годахъ, но не ранѣе; Мидель вовсе не находилась въ сѣверной Подляхѣ, а въ Виленскомъ повѣтѣ при озерѣ того же имени (нынѣ Вялейскаго уѣзда), а со времени новаго областнаго разграниченія—въ Ошмянскомъ ¹⁾).

Еслибы г. Леонтовичъ не пропустилъ сообщенія Галынскаго и Лининскаго объ Олыкѣ, онъ, быть можетъ, не сталъ бы выводить Радзивиловъ отъ миѣческихъ князей Биржанскихъ ²⁾). Въ этомъ сообщеніи прямо говорится, что Радзивилы получили титулъ князей, и при томъ Священной Римской Имперіи, отъ императора Карла V въ 1549 г., а король Сигизмундъ Августъ на сеймѣ въ Берестѣй подтвердилъ за ними этотъ титулъ. До 1549 года Радзивилы не назывались князьями, и это вовсе не потому, что они низшли въ ряды простыхъ военнослужившихъ людей, какъ думаетъ г. Леонтовичъ. Дѣйствительные потомки князей, какъ бы низко не спускались на общественной лѣстницѣ, всегда удерживали свой титулъ, каковы, напримѣръ, князья Свирскіе ³⁾). Съ какой же стати могли потерять этотъ титулъ Радзивилы, являющіеся ближними людьми государя, крупными землевладѣльцами съ тѣхъ поръ, какъ только начинаютъ говорить о нихъ источники? Ясное дѣло, что до 1549 года они никогда не были князьями. Г. Леонтовичъ не только выводитъ Радзивиловъ отъ миѣческихъ Биржанскихъ князей, но даже разказываетъ про нихъ, что при Ягеллѣ и Витовтѣ они еще удерживали вполнѣ значеніе удѣльныхъ владѣтелей. На чемъ основано это утвержденіе почтеннаго профессора, извѣстно только ему одному. „Лишь во второй половинѣ XV вѣка,—продолжаетъ онъ,—князья Биржанскіе Радзивиллы стали входить въ разрядъ литовскихъ служившихъ князей“. И это утвержденіе—вполнѣ голословное, при томъ же мало говорящее воображенію о перомѣнѣ, происшедшей въ положеніи Радзивиловъ, въ виду слѣдующей оговорки г. Леонтовича: „Впрочемъ Радзивиллы еще долго пользовались, если не *de jure*, то *de facto* положеніемъ владѣтельныхъ князей. Въ 1564 г. Кристофъ Радзивиллъ даетъ г. Бирже привилей на магдебургское право, подтвержденный затѣмъ королемъ. Какъ выше замѣчено, Николай Радзивиллъ титулуется въ грамотѣ 1562 года

¹⁾ Ibidem., стр. 111, 112, 126—133; *Starożytna Polska* IV, 199, 504, 528.

²⁾ Очерки исторіи литовско-русскаго права, стр. 42, 43.

³⁾ Въ 1528 году нѣкоторые изъ нихъ выставили на ратное поле одного коня, а самое большое—четыре. Литов. Метр. кн. Публичн. дѣль I, л. 36.

„Божією милостію княземъ Олыцкимъ“¹⁾.—Но мы уже видѣли, какого происхожденія этотъ титулъ. Что же касается дарованія магдебургскаго права, то неужели г. Леонтовичъ полагаетъ, что это какое-то особенное право князей? Даровать магдебургское право своему мѣсту могъ тогда всякій панъ съ утвержденія господаря, какъ было и въ данномъ случаѣ²⁾. Г. Леонтовичъ на стр. 35 и 203 своего очерка самъ же разказалъ о погонѣ литовскихъ магнатовъ XVI вѣка за княжескимъ титуломъ, о дѣятельной фабрикаціи родословныхъ и привилеевъ на княжеское достоинство, и самъ же вѣрить въ эти родословныя. Не проще ли было объяснить выдающееся положеніе Радзивиловъ именно тѣмъ, что они были „добрыми думцами“ литовскихъ господарей, и не тревожить уже прахъ Наримунта, старшаго сына Завилейскаго князя Ромунда³⁾. Если предки Радзивиловъ и были когда нибудь князьями, то развѣ только такими, о которыхъ говорятъ наши лѣтописи при Мендовгѣ⁴⁾.

На стр. 43, изображая судьбу другаго мионческаго княжества—Утенскаго, г. Леонтовичъ говорить между прочимъ: „Княжество Утенское существовало въ качествѣ самостоятельной области до конца XIV вѣка, когда большая его часть вошла въ составъ коронныхъ владѣній великихъ князей Литовскихъ“. Въ доказательство того, что Утена была великокняжескою волостью въ концѣ XIV вѣка, г. Леонтовичъ указываетъ, что въ числѣ лицъ, подписавшихъ (?) привилей еврейямъ 1388 г., упоминается будто бы державца Утенскій—князь Михаилъ Глинскій. Обратившись къ привилею, данному еврейямъ въ 1388 году въ Луцкѣ, мы въ дѣйствительности не найдемъ въ немъ и не можемъ найти имени кн. Михаила Глинскаго. „А при томъ были тамъ светкове,—читаемъ здѣсь: князь Федоръ, воевода Луцкій, будучи того часу Зимоуць (а Рымонть) рыцаре, а любо бояре зъ Литвы, и тежъ Минкрайло изъ Ошмены, и тежъ зъ Литвы иишіе бояре“.—Гдѣ же нашелъ г. Леонтовичъ кн. Михаила Глинскаго? Въ припискѣ къ этому привилею, которая содержитъ указаніе на его подтвержденіе королежъ Сигизмундомъ „лѣта нароженія Христова полторы тысячи и семь“⁵⁾. Ясное

¹⁾ Очерки исторіи литовско-русскаго права, стр. 43, прим. 2.

²⁾ См. Областное дѣленіе и мѣстное управленіе Литовско-Русскаго государства, стр. 788.

³⁾ Очерки исторіи литовско-русскаго права, стр. 43, прим. 1.

⁴⁾ Ibidem, стр. 48.

⁵⁾ Zbiór praw litewskich, str. 108, 109; С. А. Бернадская, Документы и регесты къ исторіи литовскихъ евреевъ, т. I, № 1. С.-Пб. 1882.

дѣло, что вышеупомянутый князь Михаилъ Глинскій не кто иной, какъ извѣстный и переизвѣстный князь Михаилъ Львовичъ Глинскій, бывший державцею Утенскимъ въ концѣ княженя Александра и въ началѣ княженя Сигизмунда ¹⁾, всѣ другія лица, присутствовавшія въ господарской радѣ: вмѣстѣ съ княземъ Глинскимъ,—должностныя лица того же времени. Съ такимъ вниманіемъ почтенный профессоръ читалъ столь важный для него документъ! Но за то тутъ же онъ составилъ такую ученую цитату относительно княжества Утенскаго: „См. *Baliński, Starożytna Polska*, 2-е изд., IV, 220—225. *Sulimierski, Slown. geogr.* X, 600. *Niesiecki, Herbarz*, 2-е изд. III, 473; IV, 119; VIII, 370“. Неужели г. Леонтовичъ серьезно полагаетъ, что эта цитата *научно* обосновываетъ то, что онъ говоритъ о княжествѣ Утенскомъ? Вѣдь всѣ приведенныя имъ сочиненія черпали свои свѣдѣнія изъ одного и того же мутнаго источника—изъ литовскихъ генеалогическихъ и топографическихъ домысловъ и преданій; издатели же „Географическаго словаря“ пересказывали то, что даетъ *Starożytna Polska*, какъ въ большинствѣ случаевъ они поступали относительно Литвы и западной Россіи. Конечно, отчего не воспользоваться и преданіемъ, но пользоваться надо съ оговоркою, что это преданіе; а г. Леонтовичъ разказываетъ о княжествѣ Утенскомъ такъ, какъ будто бы все то, что онъ говоритъ, основано на точныхъ и достовѣрныхъ свѣдѣтельствахъ. Такова его манера и въ отношеніи къ другимъ княжествамъ въ Литовской землѣ, манера, которая можетъ вводить только въ заблужденіе читателей, не вооруженныхъ знаніемъ литературы и источниковъ трактуемаго вопроса.

На стр. 56—61 своего очерка г. Леонтовичъ ставитъ гипотезу о существованіи особаго Городенско-Вѣльско-Кобринскаго княжества въ концѣ XIV вѣка, по смерти Ольгерда. Онъ предполагаетъ, что Кобринъ былъ взятъ тогда Кейстутомъ и вмѣстѣ съ Вѣльскомъ отданъ имъ „въ значеніи вѣна“ (посага?) за дочь или родственницу княжню Вассою *русскому* князю Михаилу Семеновичу, владѣвшему будто бы Городномъ въ Подляхѣи (близь Вѣльска). Такъ, по его мнѣнію, лучше всего объяснить показанія актовъ, относившихся до церкви Рождества Богородицы въ Вѣльскѣ, именно: грамоты короля Александра 1507 года (?!), гласящей, что церковь основана „въ наданія княгини Вассы Михайловое, бабки нашео“; ревизіи

¹⁾ Областное дѣленіе и мѣстное управленіе Литовско-Русскаго государства, стр. 88.

1637 года, свидѣтельствующей, что церковь основана „нѣкды княземъ Михаиломъ Семеновичемъ Городенскимъ. Бѣльскимъ и Кобринскимъ и княгинею Вассою“; описанія фундушей бѣльскихъ церквей, составленнаго въ 1787 году и повторяющаго фактъ основанія вышеупомянутой церкви „od I. O. ksiądzki Ruskich Michala y Wasila Semonowiczów Horodeńskich, Bielskich y Kobrinskiich dziedziców“ (г. Леонтовичъ вѣсть съ Вольфомъ признаеть, что князь Василій поналъ сюда вѣсто княгини Вассы по ошибкѣ составителя описи, не умѣяшаго разобрать вышеупомянутую грамоту короля Александра 1507 г.). Изъ этихъ показаній, казалось бы, надо считаться только съ показаніями первыхъ двухъ документовъ, имѣющихъ самостоятельный характеръ. Показанія описанія 1787 г. не даютъ ничего новаго, да къ тому же идутъ отъ лица, по признанію самого г. Леонтовича, не умѣяшаго читать старинныхъ русскихъ пергаминовъ. Тѣмъ не менѣе г. Леонтовичъ беретъ отсюда наименованіе князя Михаила Семеновича русскимъ и придаетъ ему особенное значеніе. „Здѣсь мы наталкиваемся,—говоритъ онъ,—на фактъ, имѣвшій мѣсто чуть ли не во всѣхъ русскихъ областяхъ Литовскаго государства,—фактъ существованія удѣльныхъ князей русскаго происхожденія и послѣ присоединенія западной Руси къ Литвѣ“. На нашъ взглядъ, мы здѣсь не наталкиваемся ни на что подобное: составитель описанія 1787 года назвалъ князя Михаила Семеновича не по чему другому „русскимъ“, какъ потому, что онъ былъ *русской* вѣры и построилъ *русскую* церковь, похороненъ въ *русской* церкви. Вѣроятно, г. Леонтовичу не безразлѣчно, что значилъ терминъ „русскій“ въ западной Руси въ XVIII вѣкѣ. Г. Леонтовичъ заставляетъ этого русскаго князя Михаила владѣть какииъ-то подляскимъ Городномъ, которое онъ разыскивалъ на картѣ г. Андрияшева, но безуспѣшно. Пасъ это нисколько не должно удивлять, потому что никакого особеннаго подляскаго Городна не существовало. Всѣ тѣ акты, на которые ссылается г. Леонтовичъ въ доказательство того, что существовало особое подляское Городно ¹⁾, относятся въ дѣйствительности къ Городну на Шманѣ, которое граничило и съ Гализемъ, и съ Райгождомъ, и съ Вѣльскомъ ²⁾. Пробовалъ ли г. Леонтовичъ, взявъ въ руки подробную карту, слѣдить по ней за тѣми ограниченіями Городен-

¹⁾ Очеркъ исторіи литовско-русскаго права, стр. 58, прим. 2.

²⁾ См. Областное дѣленіе и мѣстное управленіе Литовско-Русскаго государства, стр. 176—180, 184—186 и карту.

скаго повѣта, на которыя онъ указываетъ? Мы говоримъ: нѣтъ; иначе онъ не сталъ бы доказывать ими существованіе особаго подлянскаго Городна на сѣверо-востокѣ отъ Бѣльска. У насъ подъ руками не мало было актовъ, относящихся къ Подляшью вообще и къ Бѣльскому повѣту въ частности и современныхъ тѣмъ ограниченіямъ, на которыя указываетъ г. Леонтовичъ. Но ни малѣйшихъ признаковъ существованія особаго подлянскаго Городна мы въ нихъ не встрѣтили и, на сколько намъ извѣстно, о такомъ Городнѣ нѣтъ никакихъ указаній и въ существующихъ историко-географическихъ трудахъ, такъ что честь открытія его должна принадлежать всецѣло г. Леонтовичу. Ему же принадлежитъ и установленіе особеннаго смысла въ названіи „бабка“. Вольфъ совершенно ясно показалъ, кто такая была княгиня Васса, и какимъ образомъ она доводилась королю Александру бабкою. Эта была—княжна Гольшанская, сестра королевы Софіи (жены Ягелла), бывшая въ первый разъ замужемъ за княземъ Иваномъ Владимировичемъ Ольгердовичемъ¹⁾. Но такъ какъ она жила въ XV вѣкѣ, а г. Леонтовичу слѣдовало отыскать княгиню Вассу XIV вѣка, то онъ отвергъ мнѣніе Вольфа о княгинѣ Вассѣ: по его словамъ, король Александръ въ своей грамотѣ называетъ княгиню Вассу бабкою въ общемъ смыслѣ прародительницы (?), а не потому, чтобы она приходилась ему дѣйствительно бабкою, хотя бы и не родною. Но такое толкованіе г. Леонтовича уже чересчуръ вольное: мы не знаемъ другихъ примѣровъ употребленія словъ „дѣдъ“ и „бабка“ въ такомъ неопредѣленномъ и даже неопредѣлимомъ значеніи, на которомъ настаиваетъ г. Леонтовичъ. Въ виду всего этого, съ полнымъ правомъ можно сказать, что вся гипотеза г. Леонтовича объ особомъ Городенско-Бѣльско-Кобринскомъ княжествѣ конца XIV вѣка виситъ въ воздухѣ, не имѣя подъ собою никакихъ основаній въ источникахъ.

Какъ же, однако, быть съ княземъ Михаиломъ Семеновичемъ Городенскимъ, Бѣльскимъ, и Кобринскимъ? На нашъ взглядъ можно допустить существованіе старшаго брата Михаила у князя Ивана Семеновича *Кобринскаго*; онъ могъ быть современникомъ княгини Вассѣ и жениться на ней, когда она овдовѣла (послѣ 1446 г.). Предполагать это можно съ тѣмъ большею вѣроятностью, что у князей Кобринскихъ были уже семейныя связи съ домомъ князей Гольшанскихъ: князь Семенъ Романовичъ былъ женою на княжнѣ Юліаніи Се-

¹⁾ *Wolffa*, *Ród Gedimina*, str. 104. Kraków. 1886.

меновѣ Гольшанской ¹⁾). За теткою своею Казимиръ могъ дать Бѣльскъ если не въ вотчину, то въ доживотье. Такая щедрость не должна насъ удивлять, если мы припомнимъ, какъ много сдѣлали для Казимира князя Гольшанскіе при возведеніи его на литовскій престолъ, не говоря уже о близкомъ родствѣ съ нимъ и княгини Вассы, и князей Кобринскихъ. Княгиня Васса жила съ мужемъ въ Бѣльскѣ и въ то время фундавала церковь Рождества Богородицы по совѣту съ мужемъ. Повидимому она пережила мужа и умерла, не имѣя отъ него дѣтей, послѣ чего Бѣльскъ слалъ на господаря, который назначилъ туда своимъ намѣстникомъ пана Бартона Монтовтовича (онъ выступаетъ по актамъ въ 1484 году, какъ разъ по смерти княгини Вассы) ²⁾. Князь Михайлъ Семеновичъ, повидимому, владѣлъ имѣніями въ Городенскомъ повѣтѣ, по близости отъ Бѣльска, изъ которыхъ также жаловалъ церковь Рождества Богородицы по особымъ грамотамъ. Имѣя подъ руками эти грамоты, составитель той надписи объ основаніи церкви, о которой упоминаетъ ревизія 1637 года, и повеличалъ его княземъ Городенскимъ, Бѣльскимъ и Кобринскимъ, не умѣя иначе объяснить жалованныхъ грамотъ кн. Михайла, относящихся къ повѣту Городенскому, какъ тѣмъ, что онъ былъ княземъ въ Городѣ. Это тѣмъ легче могло произойти, что надпись составлялась въ 1562 году, когда церковь переносили на другое мѣсто. Къ тому времени память о князѣ Михайлѣ Семеновичѣ могла уже затемниться, а имѣвшіяся въ церкви грамоты его обшестать настолько, что и разобрать ихъ, какъ слѣдуетъ, было трудно. На это указываетъ и то обстоятельство, что древнѣйшая фундашная грамота Богородичной церкви дошла до насъ не въ подлинномъ видѣ, а въ списокѣ съ подлинника, который переписчикъ не могъ уже полностью прочесть, а потому кое-гдѣ пополнилъ по собственному разумію, вслѣдствіе чего получились разныя несообразности. На эти несообразности г. Леонтовичъ не обратилъ должнаго вниманія, хотя и сдѣлалъ укоръ Вольфу въ невнимательности къ актамъ, относящимся до князя Михаила Семеновича. Онъ процитировалъ *bona fide* ³⁾ грамоту, въ которой титулъ короля Александра таковой, какой польскіе короли могли носить только съ 1634 года, со времени заключенія Поляновскаго мира: „великій король (?) Польскій,

¹⁾ Ibidem, str. 129.

²⁾ Акты Зап. Рос. I, № 86; *Wolffa*, Ród Gedimina, str. 104.

³⁾ Очерки исторіи литовско-русскаго права, стр. 56, прим. 5.